

УДК 061.1/2

DOI: 10.17223/1998863X/34/41

В.И. Красиков

СЕТЬ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ И СПЕЦИФИКА ПРОЦЕДУР ХАБИЛИТАЦИИ¹

Описывается сеть диссертационных советов по философским наукам в России. Автор проводит анализ диссертационной вертикали, ее руководящих органов и географической распределенности диссертационных советов. Он также размышляет о коммуникативной природе ритуалов защиты диссертации и пытается разобраться в функциях основных действующих лиц защиты.

Ключевые слова: сеть диссертационных советов, процедуры хабилитации.

Первые ученые степени и защиты появляются в Европе (Болонский университет) еще в XII веке, в России первые диссертационные работы защищаются в Московском университете в середине XVIII века [1]. За последних два с половиной века социальный ритуал защиты диссертации претерпел изменения, особенно в советское время, когда сложилось современное двухступенчатое ранжирование ученых степеней (кандидат – доктор).

Как известно, 90-е гг. ушедшего века были переходными в формировании в России рыночных отношений, которые не отличались цивилизованностью, проникая во все, даже далекие от экономики, сферы. Купля-продажа, девятый вал халтурных диссертаций, гиперинфляция ценности и самодостаточности научного труда [2] вызвали серию авральных мер в последние десять лет, призванных купировать эти процессы: введение журнального списка ВАК для представления результатов научных исследований, ужесточения протокольной, документационной дисциплины, даже введение прямых интернет-трансляций защит. Однако какого-то системного изменения это не принесло.

Тогда (2013–2015 гг.) взялись за серьезное сокращение численности диссертационных советов, а 17 сентября 2015 года из уст председателя правительства прозвучали слова о целесообразности начать процесс передачи централизованной монополии ВАК на присуждение научных степеней наиболее авторитетным университетам, сначала МГУ и СПбГУ. Возможно, грядут большие перемены. Однако преддверие возможной коренной реорганизации диктует, как минимум, задачу фиксации ныне существующей системы квалификационного роста.

Наша цель – описать и разобраться в социально-организационных особенностях наличной хабилитационной вертикали в области, наиболее близкой автору этих строк, – философских науках. Также мы попытаемся дать анализ процесса хабилитации – с точки зрения основных его участников – относительно его целерациональности, эффективности и коммуникативности.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00087.

Философские науки в номенклатуре научных специальностей занимают категорию 09.00.00, включая в себя 9 позиций: онтологию и теорию познания (09.00.01), историю философии (09.00.03), эстетику (09.00.04), этику (09.00.05), логику (09.00.07), философию науки и техники (09.00.08), социальную философию (09.00.11) и стыковую с историческими науками – религиоведение, философскую антропологию, философию культуры (09.00.13).

Формально руководит советами Высшая аттестационная комиссия, которая ранее, в советское время, состояла при Правительстве, сейчас же подчиняется Минобрнауки. Именно она по Положению о ВАКе [3] выдает разрешения на создание советов и их закрытие, определяет их состав, перечень специальностей, присваивает степени и лишает их, контролирует качество диссертаций, «вызывает на ковер» сомнительных соискателей степеней и глав диссоветов. Вернее, она, комиссия, «дает рекомендации» по этим вопросам министерству – так камуфлируется реальная власть департамента аттестации научных и научно-педагогических работников этого самого министерства, который «организационно-технически обеспечивает» деятельность ВАК, «контролирует деятельность советов», «присваивает звания профессоров и доцентов» [4]. Конечно, создаются экспертные советы, члены которых читают диссертации, могут высказывать свои мнения, однако решающее слово, равно как и определение текущей политики, остается за чиновниками.

ВАК в силу регламента своей работы и состава не может реально руководить обозначенными процессами (создание, закрытие советов, регламентацией и пр.). Максимум, на что способна Комиссия, это вынужденно реагировать на общественно резонансные события (типа «диссергейта»), касающиеся подведомственной им области общественной активности.

Во-первых, «заседания Комиссии проводятся не реже 2 раз в год», много ли тут решишь? Во-вторых, ее декоративный состав делает ее проблемно собираемой (2/3 состава для правомочности). Похоже, она в основном лишь автоматически подтверждает проекты, рожденные в недрах курирующего департамента. Действительно, из 70 человек ее состава – 63 административно-образовательные иерархии (ректоры, директора, деканы крупнейших институций) и только 7 заведующих кафедрами либо главные научные сотрудники [5].

Состав экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии (2013 года формирования) – 48 человек, большинство которых профессура из Москвы и Санкт-Петербурга, руководящая пятерка – заведующие кафедрами МГУ, РГГУ, ИФ РАН, ВШЭ [6]. Они и определяют качество диссертаций – либо выборочно, либо «по сигналам с мест», либо в рамках кампаний.

Поисковая система портала «Российское образование. Федеральный портал» в ответ на запрос о диссертационных советах по философским наукам выдала результат – 73 совета [7], однако сверка списка со списком диссоветов ВАК от 01.09.2015 показала, что деятельность 5 диссоветов из них либо прекращена, либо приостановлена (в 2014–2015 гг.). Вместе с тем добавлены три новых совета – в МГИМО, Нижегородском педагогическом университете, ну и, разумеется, в Крымском федеральном университете.

Таким образом, мы не намного ошибемся, если скажем, что в Российской Федерации к осени 2015 года существовал 71 диссертационный совет по фи-

лософским наукам. Их распределение – ожидаемо асимметрично: в одной Москве их почти столько же, сколько в европейской части России. 24 совета функционировали в столице, из них 5 – в МГУ, 4 – в ИФ РАН и 25 советов – в 18 российских городах, где лишь в Ростове-на-Дону есть 3 диссовета по философским наукам. В три раза меньше советов в Санкт-Петербурге (8) в сопоставлении с Москвой. Меньше всего, как и следовало ожидать, в большей части страны – в Сибири (вместе с Уралом). Здесь в 12 городах наличествовало 14 советов, по два совета были лишь в Томске и Челябинске.

Такое географическое распределение нельзя признать удовлетворительным. И это следствие административно-местнического перекоса в реализации политики сокращения числа советов. Кого сокращают в первую очередь? Правильно, не влиятельных тут, в Москве. И боятся трогать местных и влиятельных, которые смогут затем прореагировать должным образом. Конечно, «для порядка» закрыли несколько советов и в Москве – в институтах негосударственных, типа Современной гуманитарной академии. Однако никто не покусится на диссоветы академическо-образовательной корпорации (ИФ РАН – философский факультет МГУ), тем более что их главы входят в Комиссию.

Две же трети страны обслуживается лишь 14 советами (из 71). Причем в федеральных университетах либо их нет (ДФУ), либо по одному на города-миллионики (Новосибирск, Екатеринбург, Омск). Куда деться соискателям из сибирских городов? Либо в Москву – Петербург, но для этого нужны неподъемные для многих средства, либо подстраиваться любыми путями под имеющийся у них монопольный совет (а в отсутствие конкуренции даже у самых толерантных людей начинается «головокружение от успехов»), либо забросить свои диссертации.

Вы думаете об этой ситуации не знают иерархи образования и академической сферы? Знают, но такая ситуация их устраивает, поддерживая их привилегированное положение, которое они полагают нормальным – в силу, дескать, исторически сложившегося, привычного порядка «вертикали власти» и особого положения «центра», в России, мол, по-иному и нельзя. Может, все же стоит попробовать? Перейти, к примеру, к «именной» системе, чтобы за присуждаемую степень отвечали крупные академические сообщества, а не абстрактный ВАК – крупнейшие федеральные и национально-исследовательские университеты, чтобы в дипломах писали о месте защиты и о тех, кто защищал и руководил.

Теперь о самом процессе хабилитации – как *основном пути «научной социализации»*. Абсолютное большинство специалистов в области философских наук становятся таковыми в процессах подготовки, написания и прохождения процедур обсуждения и защиты диссертаций. Не исключая, что, возможно, есть некая толика людей, которые могут любительски заниматься философствованием, не вступая в сети профессиональной подготовки кадров высшей квалификации – я временами сталкивался с подобными людьми.

Итак, рассмотрим процессы научной социализации – процедур защиты диссертации – с точки зрения ее основных участников: соискателей, их научных руководителей, членов диссертационного совета и его руководства. Мне легко это сделать, ибо последовательно побывал в положении основных фигурантов данного процесса: был аспирантом, докторантом, членом совета,

потом заместителем председателя диссовета и, наконец, практически 4 года возглавлял два диссовета.

Аспирантуру проходят, как правило, от трети до половины выпускников философских факультетов – тех из них, кто выбирает стезю преподавания. Все они, опять-таки как правило, защищаются, закончивших аспирантуру и не защитившихся мало, хотя и такое бывает. Главный мотив здесь экономический. Конечно, сегодняшним кандидатам наук, доцентам и не снятся зарплаты и престиж доцентов советского времени, однако все же кандидатская степень дает средний кусок хлеба, хотя и немалыми усилиями «многостаночников». Подготовка и защита кандидатской степени прививают основные навыки работы с текстами, их понимания, подготовки-компиляции своих текстов.

И хотя неоднократно видел послезащитную эйфорию у свежееиспеченных кандидатов наук, настроенных на «работу дальше», лишь, наверное, один из десяти при зрелом размышлении решается заняться всерьез работой над диссертацией докторской. А ведь мотивация экономическая не исчезает, сюда добавляется и статусная – при нынешней-то девальвации кандидатской степени.

Однако люди устают от аспирантуры и треволнений первой защиты, их затягивают в свои сети матримониальные дела и хлопотная, плюс обильно бюрократически-бумажная, преподавательская деятельность, да еще и в нескольких местах сразу. Потому здесь нужны сильная идеалистическая мотивация и вера в себя, собственные силы и способности, которые и подвигают человека прежде всего на самореализацию: в абстрактно-разряженной атмосфере зыбко колышущихся понятий и в конкретной ситуации многодневных кропотливых занятий в библиотеках и, главное, наедине с собой, под молчаливо-неодобрительные взгляды домочадцев.

Защита диссертации – кандидатской или докторской – кульминация усилий соискателей, их научных руководителей по выработке и представлению результатов многолетней деятельности в виде заявки на самостоятельную, хорошо обоснованную позицию в своей области знания. Это испытание, столкновение с сакральным (потенциально опасным в виде возможности провала и очень важным, ибо на кону репутация и карьера). Для членов же диссертационного совета, особенно если тот отличается долгожительством, – это сочетание рутины (ритуала – строго детерминированного поведения) и тренировки интеллекта. Так или иначе, но социальный ритуал под названием «защита диссертации», который проводит обряд инициации для новичков, сводит вместе всех этих участников действия, каждый из которых имеет свои специфические интересы, объединяя или же сталкивая друг с другом. Приглядимся к нему пристальнее.

Интересы участия соискателя в ритуале понятны: экономический, репутационно-карьерный и, временами, профессионально-исследовательский. Но вот каковы интересы членов диссовета, ведь их труд практически не оплачивается, не считать же особо мотивирующим банкет после защиты или же смехотворную оплату оппонирования, притом, что внутреннее предзащитное рецензирование (которое может быть неоднократным, ибо на этом этапе многие диссертации вновь и вновь возвращаются соискателю для доработок) – бесплатная повинность.

Интерес заключается в репутационных бонусах – советы на виду данного профессионального сообщества, особенно в провинции, где, как мы убедились, они существуют в виде эксклюзива – в отличие от более рутинизированной ситуации столиц. В любом случае, диссоветов семь десятков, в каждый входит от 12 до двадцати с лишним человек – это полторы тысячи на всю страну, тогда как корпус преподавателей философских наук примерно раз в десять больше (а то и поболее), это элита, «старейшины», проводящие обряд инициации. Что уж говорить о семидесяти председателях советов, которых знают уже многие члены данного профессионального сообщества, если не в лицо, так по фамилии.

Диссовет – интеллектуальная сцена, на которой есть свои лучшие актеры, способные продемонстрировать остальным, более пассивным и менее талантливым участникам свои способности: быстрого схватывания сути сложных теоретических вопросов, оперативной реакции на неожиданные казусы и проблемы, искрометного юмора и глубоких суждений. Это разнообразит ритуал, взаимно заряжая эмоциональной энергией, придавая ему характер интеллектуального приключения. Подобная взаимная подпитка является, похоже, нерациональной основой складывающейся групповой солидарности – люди начинают чувствовать себя единым целым, «мы». Они, как правило, охотно участвуют в диссертационной жизни, не подводят друг друга, вновь и вновь участвуют в ритуале, который в своих ключевых пунктах чреват неожиданностями. Это моменты ответов соискателя на вопросы, критика оппонентов и реакции на нее, полемика после процедур оглашения необходимых документов. Общие действия, подчиненные процедуре, синхронизируют чувства, создавая общность принадлежности к особой важной группе, стоящей на страже науки, допускающей в ее чертоги лишь достойных. Апофеоз эмоциональной общности возникает в заключительных сценах ритуала, когда председатель торжественно объявляет об итогах голосования и присуждении искомой степени, а растроганный соискатель благодарит небожителей за их снисходительность.

Помимо нерациональных оснований, групповая солидарность в диссоветах базируется и на вполне рассудочной основе общенаучного и местного этоса. Неписанные правила поведения, сформулированные Р. Мертоном, если и не истово-искренне разделяются, то, по крайней мере, считаются чем-то самим собой разумеющимся, как, к примеру, заповеди Нагорной проповеди. Люди стараются вести себя так, чтобы со стороны казалось, что они соблюдают и разделяют мертоновские нормы (универсализм, всеобщность, незаинтересованность и организованный скептицизм). Более того, зачастую ими маскируют свои прямо противоположные устремления: прославить свое направление, унижить идеологического противника, скрыть явную интеллектуальную слабость своего подзащитного или же, напротив, стушевать яркий эффект от выступления соперника.

Помимо довольно однозначных правил диссертационного ритуала и подразумеваемых норм общенаучной этики, в большинстве советов формируются и свои местные договоренности, к примеру: перенос всей жесткой критики на стадию предзащиты (заседания экспертных групп, формируемых из членов совета) и толерантность на самой защите, норма открытости – если член совета

решил голосовать «против», он обязан об этом сказать в дискуссии перед голосованием – дабы не сеять подозрительность и настороженность в отношениях между членами совета после неожиданного появления «черных шаров».

Другое важное рациональное фундирование проистекает из интересов еще одного неперменного участника ритуала – научного руководителя (или же научного консультанта), часто также одного из членов этого же совета или диссовета в близлежащем регионе. Сегодня я помогу тебе (твоему соискателю) оппонированием, рецензией, отзывом на автореферат, благожелательным выступлением, завтра ты поможешь мне – такова нехитрая формула взаимосогласий и взаимозачетов, которая фундирует гражданский мир в диссовете. Однако она же становится источником конфликтов в случае ее нарушения.

Групповые конфликты не часто, но сотрясают деятельность того или иного диссовета, приводя его почти всегда на грань закрытия: начинаются проблемные голосования, нарушения протокола, резко падает приток перепуганных соискателей. В большинстве случаев конфликты возникают вследствие лидерских притязаний двух и более людей. Чаще всего это происходит в новых диссоветах, особенно в провинции, где докторов наук считано по пальцам и выбирать просто не из кого. Однако и долгоживущие советы могут испытать нарушения солидарности.

В любой долго существующей группе складываются устойчивые роли и репутации. Подобное мы можем видеть и в жизни диссоветов. В любом, даже самом активном, самодеятельном совете какая-то его часть все равно состоит из более апатичных и индифферентных людей, склонных к ролям статистов, которые с трудом вымучивают из себя вопросы и дежурные реплики – и то под давлением председателя. Однако другая, активная, часть совета честно пытается сообщить ритуалу интригу, как можно более элегантно пройти по подиуму, фиксируя как можно более эффектные позы. Сама природа действия и формальная выверенность процедур ритуала задают возможный диапазон ролей: критикан, примиритель, провокатор, принципиальный и оппортунист. Каждый, кто наблюдал работу совета, может наполнить их своим субъективным содержанием, которое будет разнообразиться в зависимости от культурно-региональной специфики.

Более объективными, поскольку они являются следствием институционального положения, представляются особенности социально-групповых ролей руководящей тройки: председателя, заместителя председателя и ученого секретаря.

Ведущая роль председателя совета очевидна, сам ритуал отводит ему столь же ключевое место, что и соискателю. Он же вынужден практически бессменно высиживать всю процедуру, в отличие от фланирующих между курилками и буфетом простыми членами совета. Он отвечает за все – и в отношениях с местным начальством и ВАК, и за гражданский мир, консолидированность совета. Как правило, будущий председатель и является инициатором создания совета и «подбора людишек». За большую ответственность он получает и самое большое количество бонусов: самим механизмом ритуала – он всегда в центре внимания, успех в большей мере приписывается ему, он питаем эмоциональной энергией чествований и нашей врожденной россий-

ской услужливостью по отношению к начальству. Он же приобретает большее количество соискателей в качестве руководителя и консультанта, которые естественно ищут каких-то гарантий. Однако если дела приобретают негативный оборот: диссовет лихорадит, начинаются осложнения и организационные проблемы, внутренние конфликты – он платит за все нервами, здоровьем, репутацией. В наших российских реалиях вертикалей власти среди председателей диссоветов преобладает авторитарный типаж, реже встречается демократический и совсем редко – компромиссная фигура, не имеющая самостоятельного значения, марионетка той или иной фракции.

Фракционность же в диссовете – достаточно устойчивое явление, хотя на сей день и не столь опасное для общего единения. Ранее, в переходный период от России советской к капиталистической, позиции марксистских ортодоксов были сильны, поскольку другой профессуры просто еще не было, и новым докторам приходилось туговато в столкновениях с большевистско-непримиримой ограниченностью и твердолобостью. Но время шло, люди старели, становились мягче, привыкали к новым реалиям, появилось много новых, иные же уходят, и идеологические фракции сегодня уже анахронизм. Однако появились дисциплинарно-естественные – в современных советах, когда в одном совете присутствуют от 2 до 4 дисциплин, где вместе с философскими могут присутствовать социологические, политологические, культурологические – и, соответственно «фракции» философов, культурологов, социологов и политологов. И, на удивление, очень мирные и доброжелательные отношения между ними – процесс дифференциации обществензнания зашел уже настолько далеко, что они воспринимают друг друга как совершенно разные области знания, а как известно, в отношениях подобной разности нет ни взаимной зависти, ни ревности.

Наконец, роли заместителя председателя и ученого секретаря. Заместителя, как правило, подбирает себе сам председатель. Он должен отвечать двум критериям: иметь высокую научную репутацию и, что важнее, не быть таким же честолюбцем, как председатель. Случается, однако, что на эту роль приходит столь же амбициозный человек, но это в ситуациях компромисса при создании двух- и мультидисциплинарных советов. Тогда и председатель вынужден отдавать часть власти своему заму, ибо он контролирует другую часть совета.

Роль ученого секретаря наиболее трудозатратная и не менее ответственна, чем у председателя. Однако многие, и не только кандидаты наук, грезящие о более быстрой дорожке к защите докторской, но и состоявшиеся доктора наук соглашаются занять это место. Включенность в триумvirат оправдывает трудозатраты: увы, не всем дано занять высоконкурентные первые два места, но и третье вполне почетно.

Итак, подытоживая, следует сказать следующее: похоже, требуется коренная организационная перестройка хабилизации у нас в стране в направлении передачи многих функций контроля крупным образовательным институтам. Система диссоветов по философским наукам также должна быть уравновешена – через частичное закрытие избыточных московских и двукратное увеличение сибирских (уральских). Возможно, следует еще раз вернуться и к обсуждению целерациональности и эффективности, рассмотрению

других вариантов и сюжетов защиты диссертации. Важность непрерывного самообновления в данном случае определяется тем, что хабилизация – единственный путь научной социализации, инициации молодых ученых.

Литература

1. Миронин С. Два способа развития науки и история диссертационного дела. – URL: <http://www.biometrika.tomsk.ru/naukoved/mironin.htm> (дата обращения: 16.09.2015).
2. Балацкий Е. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Свободная мысль – XXI. 2005. № 11; Он же. «Диссертационная ловушка» // Свободная мысль-XXI. 2005. № 2. – URL: http://scepsis.net/library/id_1257.html (дата обращения: 18.09.2015).
3. Положение о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139). – URL: <http://vak.ed.gov.ru/108> (дата обращения: 18.09.2015).
4. Положение о Департаменте аттестации научных и научно-педагогических работников Министерства образования и науки Российской Федерации. Утверждено приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 января 2014. № 64. – URL: <http://vak.ed.gov.ru/108> (дата обращения: 20.09.2015).
5. Состав Комиссии. – URL: <http://vak.ed.gov.ru/sostav> (дата обращения: 20.09.2015).
6. Список экспертных советов Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. – URL: <http://vak.ed.gov.ru/237> (дата обращения: 20.09.2015).
7. Российское образование. Федеральный портал. – URL: http://www.edu.ru/db/portal/dissovet/ds_list.php?sort=1&show_results=50&otr=09 (дата обращения: 20.09.2015).
8. Перечень действующих советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по состоянию на 01 сентября 2015 г. – URL: <http://vak.ed.gov.ru/89> (дата обращения: 20.09.2015).

Krasikov Vladimir I. All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation)
DOI: 10.17223/1998863X/34/41

NETWORK DISSERTATION COUNCILS OF PHILOSOPHICAL SCIENCES AND SPECIFIC PROCEDURES FOR HABILITATION

Keywords: network of dissertation councils, habilitation procedures

The article describes the network of dissertation councils of philosophical sciences in Russia. The author analyzes the thesis vertical, its governing bodies and the geographical distribution of dissertation councils. The highest governing body that controls the activity of dissertation councils in the country is the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. However, it meets at least two times a year and is composed of people, very busy on their core business. So really directs the work of dissertation councils Department of the Ministry of Education and Science. The author states that in Russia there are about 70 dissertation councils. They are distributed unevenly. 24 dissertation councils operate in Moscow and St. Petersburg. 25 dissertation councils operate in the European part of Russia. 14 dissertation councils operating in Siberia and the Urals. This situation is not satisfactory. The author puts forward the proposal for decentralization of the thesis, the transfer of many functions in the awarding of degrees of the leading universities of Russia. He also reflects on the communicative nature of the rituals thesis defense and tries to understand the functions of the main actors of protection. He believes that there are irrational and rational basis in the activities of the Dissertation Council as a social group, performing a ritual to determine the readiness of the applicant to independent research. He is trying to reveal the obvious and hidden side of the main participants of the ritual behavior, namely the applicant, his supervisor, board members, Chairman, Deputy Chairman and Scientific Secretary.

References

1. Mironin, S. (n.d.) *Dva sposoba razvitiya nauki i istoriya dissertatsionnogo dela* [Two ways to the development of science and the history of the dissertation case]. [Online] Available from: <http://www.biometrika.tomsk.ru/naukoved/mironin.htm>. (Accessed: 16th September 2015).

2. Balatskiy, E. (2005) *Institutsional'nye konflikty v sfere vysshego obrazovaniya* [Institutional Conflicts in Higher Education]. *Svobodnaya mysl'* – XXI. 11. pp. 23–38.
3. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2013) *Provision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (as amended in Decree № 1139 of the Russian Federation of December 10, 2013)*. [Online] Available from: <http://vak.ed.gov.ru/108>. (Accessed: 18th September 2015). (In Russian).
4. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2014) *Provision of the Department of Certification of Scientific and Scientific-Pedagogical Employees of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Approved by Order № 64 of the Russian Federation Ministry of Education and Science on January 29, 2014*. [Online] Available from: <http://vak.ed.gov.ru/108>. (Accessed: 20th September 2015). (In Russian).
5. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (n.d.) *Sostav Komissii* [The Composition of the Commission]. [Online] Available from: <http://vak.ed.gov.ru/sostav>. (Accessed: 20th September 2015). (In Russian).
6. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (n.d.) *The list of expert councils of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://vak.ed.gov.ru/237>. (Accessed: 20th September 2015). (In Russian).
7. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (n.d.) *Russian education. Federal portal*. [Online] Available from: http://www.edu.ru/db/portal/dissovet/ds_list.php?sort=1&show_results=50&otr=09. (Accessed: 20th September 2015). (In Russian).
8. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (n.d.) *The list of Dissertation Supervisory Committee for the degree of Candidate of Sciences, Doctor of Sciences as of September 1, 2015*. [Online] Available from: <http://vak.ed.gov.ru/89>. (Accessed: 20th September 2015). (In Russian).